

ПУБЛИКАЦИИ

ОТТИСКИ ПАРФЯНСКИХ ПЕЧАТЕЙ ИЗ НИСЫ

Памятники среднеазиатской глиптики эпохи рабовладельческого общества почти неизвестны в науке. Между тем, резные геммы встречаются в Средней Азии повсеместно, и еще в дореволюционное время возникли частные собрания резных печатей, из которых наиболее значительными являлись коллекции военных инженеров И. Т. Поставского (частично хранящаяся ныне в Ташкентском музее истории) и Б. Н. Кастальского (в небольшой части поступившая в Самаркандский исторический музей). После Октябрьской революции древние печати стали поступать в музеи не только как случайные находки, но и из археологических раскопок; иногда даже открывают глиняные буллы с оттисками печатей¹.

Известны оттиски печатей на сырой глине², на сосудах³ и даже на обожженных кирпичах, что характерно для этих памятников времени государства «Великих кушан»⁴.

¹ Впервые в Средней Азии такие буллы были обнаружены И. А. Сухаревым в 1933 г. к северу от Самарканда, в селении Баги-Баянд, среди развалин крепости Кызляр. Здесь в южной стене был встречен хум, внутри которого оказались два глиняных комка с проходящими внутри их отверстиями от бечевки. На одном комке, желтоватой глины, имеется овальный отпечаток с изображением бюста усатого и бородатого мужчины и следами надписи, выполненной как будто греческим алфавитом. От второго комка, из темноватой глины, сохранился небольшой фрагмент с оттиснутым на нем неясным изображением полумесяца, шара и каких-то черточек. Сведения об этой находке сообщены авторам В. И. Сарияниди, разбивавшим в Самаркандском музее материалы, собранные покойным И. А. Сухаревым.

² Например, в Хорезме, см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 54.

³ При изучении городища древнего Пянджикента Согдийской экспедицией под руководством А. Ю. Якубовского был встречен фрагмент глиняного хума кушанского времени с оттиснутым на нем изображением в овале женского бюста, обращенного вправо. См. «Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции», т. I, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 44, табл. 44, рис. 3.

⁴ Обожженный кирпич с оттиском печати кушанского времени, найденный в Термезе, имелся некогда в коллекции Б. Н. Кастальского. В мелком овале оттиска изображена повернутая влево мужская фигура в короткой, выше колен, одежде, с расставленными ногами, с положенной на пояс левой рукой и протянутой вперед правой. В последней не то трезубец на длинном железном виле палица, на которой сверху, может быть отдельно, помещено изображение трехзубчатой тамги. Справа от фигуры «елочкообразное» изогнутое дерево. О находке при раскопках на Айратах бактрийского кирпича с оттиском круглой печати, изображающей стоящего оленя вправо, см. «Термезская археологическая комплексная экспедиция», т. II, Ташкент, 1945, стр. 6 и 38.

Далеко не все оттиски делались каменными печатями, употреблялись также примитивные глиняные печати и более изящные, вырезанные на металле и близкие по типу к подлинным геммам¹. Большинство древних среднеазиатских печатей, несомненно, местного происхождения, но встречаются и привозные². Все же до недавнего времени геммы с территории южной части Туркменской ССР были очень мало известны.

В эпоху рабовладельческого строя употребление гемм в Южном Туркменистане, несомненно. Особенно большое распространение должны они были иметь в пределах парфянского государства. Однако эти предположения не могли быть подтверждены³ до систематических раскопок на городище Старая Ниса⁴. Здесь в 1950—1951 гг. при вскрытии в северном комплексе помещений большого «Квадратного дома» (около 3500 м²), на полу, на суфах и под позднейшими закладками дверных проемов обнаружены были местами мелкие кусочки и комки особой черноватой массы, легко рассыпающейся при нажиме и имеющей «жирный» блеск поверхности⁵. Произведенный В. Н. Коновым в лаборатории Государственного Эрмитажа анализ образцов этой массы показал, что последняя в основе имеет особую «глинку», с примесью органических веществ и, повидному, талька. Обладая хорошей механической твердостью в сухом виде, она при легком увлажнении становится пластичным материалом⁶. Однако теперь некогда четкие оттиски печатей утратили ясность очертаний, и лишь тщательная работа позволила восстановить графически подавляющее большинство изображений⁷.

¹ Среди металлических печатей особого упоминания заслуживает бронзовая печать, найденная в 1935 г. в Хорезме у Турткуля при размыве берега Аму-Дарьей. Это кружок с диаметром 23 мм, имеющий небольшое ушко на тыльной стороне. На лицевой стороне изображены две обращенные друг к другу обнаженные фигуры, из которых правая как будто сидит с одной согнутой и другой вытянутой ногами и с протянутыми вперед руками. Левая фигура представлена стоящей на одном колене, также с протянутыми руками. Позади правой фигуры и под левой видны следы каких-то знаков, как бы надписей. Печать была осмотрена М. Е. Массоном в 1935 г. у И. А. Анбоева.

² К числу привозных безусловно принадлежит каменная печать, найденная в 1928 г. в окрестностях Самарканда, на левом берегу Даргома, в 2 км ниже Чарминорского моста. Гемма поступила в Самаркандский музей. Сделана она в виде скарабея из черного гематита и имеет схематическое изображение человеческой фигуры и оглядывающейся назад антилопы. По мнению Б. Б. Пиотровского, гемма, будучи изготовлена в Египте в римское время, попала в Среднюю Азию вероятно при Кушанах.

³ Нам представляется сомнительной датировка эпохой бронзы той каменной трехсторонней печати, которую американская экспедиция при раскопках в Анау связывала с нижними слоями южного бугра и на которой вырезаны изображения фигур человека, льва и грифона с орлиной головой. Если принять во внимание применявшуюся американскими археологами порочную систему раскопок, археологического наблюдения и регистрации находок то легко допустить, что могла произойти путаница, в результате которой эта, может быть более поздняя, печать оказалась включенной в комплекс объектов культуры Анау III.

⁴ О находках на Старой Нисе «сердоликовых украшений, изображающих крылатых коров, горбатых зебу и т. п.», уже сообщал в прошлом столетии генерал А. В. Комаров, в коллекции которого, кроме нисийских, было также немало резных камней из Старого Мерва (т. е. Антиохии Маргианской). См. «Закаспийская область в археологическом отношении», «Туркестанские ведомости», 1888, № 24-25.

⁵ М. Е. М а с с о н, Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1953, № 1, стр. 143 сл., особенно стр. 152—153.

⁶ Месторождение глины для печатей было известно в Хорасане еще в X в. (М а к д и с и, ВГА, III, 326).

⁷ Рисунки изображений, сделанные М. Е. Массоном, на прилагаемых таблицах даны в увеличенном виде. Овалы и кружки слева от рисунков передают натуральную

Найденные в Квадратном доме глиняные комья опечатывали какие-то предметы, иногда, может быть, перевязанные группы вещей внутри дома и замурованные проходы комнат. Иные комья явно оформляли прямой угол, другие покрывали округлый предмет. Некоторые были наделены на концы бечевки или шнура, имевших, судя по диаметру оставшихся гнезд, толщину от 3 до 5 мм. Число оттисков, нанесенных на отдельные комья, колеблется от четырех до семи, причем в некоторых случаях делалось по два отпечатка каждой геммы. Таким образом, число лиц, одновременно накладывавших свои печати, было не менее четырех и не свыше семи. Повидимому, то были особые «комиссии», осуществлявшие в разное время и по разному поводу опечатывание предметов, а также вскрытие и новое опечатывание самих комнат. Последнее доказывается находками кусков ранее наложенных булл, втоптаннми в глину земляных полов и под закладками вновь замурованных проходов. По ряду археологических наблюдений, в том числе и по разобранной М. Е. Массоном дате на фрагменте каменного сосуда (нанесенной черной краской, очевидно в момент наполнения сосуда) в последний раз опечатывание происходило около конца II — начала III в. н. э., т. е. незадолго до падения Аршакидской династии.

Оттиски из Старой Нисы, будучи единственным в своем роде комплексом безусловного парфянского печатей, проливают совершенно новый свет на некоторые общие вопросы парфянской глиптики.

Общепризнано восточное происхождение традиции резных камней, получившей яркое развитие затем на греко-римской почве (RE, s. v. Gemmen).¹ Однако если инталиям классического Востока посвящены многочисленные исследования, а античной глиптике — капитальные монографии, то геммы стран Востока в полутысячелетнем промежутке между существованием государств Селевкидов и Сасанидов почти совершенно выпадали из поля зрения ученых. Нельзя считать удачными попытки выделить особую группу гемм, занимающих какое-то промежуточное положение и именовавшихся то «селевкидскими»², то «греко-персидскими»³, то «персидскими греческой эпохи»³.

Вопросы парфянской глиптики были поставлены в науке совсем недавно. Например, А. Фуртвенглер, анализируя две крупные геммы с профильным изображением царя влево и определяя их, на основании сопоставления с монетами, как портрет Митридата I парфянского, утверждал, что геммы эти были изготовлены по заказу филэллина Аршакида греческим резчиком⁴. Появившаяся в 1938 г. публикация Н. Дюбойза, посвященная специально парфянским геммам, чрезвычайно красноречиво свидетельствует, как слабо продвинут данный вопрос в зарубежной науке⁵. Автор отказывается дифференцировать печати селевкидского, парфянского и сасанидского периода и выделяет лишь незначительную группу парфянских гемм, определяемых стратиграфически раскопками Селевкии на Тигре временем между 116 и 143 г. н. э., а также несколько стилистически сходных резных камней из музейных собраний.

Интересная попытка выделения парфянских гемм из находок в Самтавро была проделана М. И. Максимовой⁶, однако геммы эти, являясь «парфянскими» по времени, безусловно местные, кавказские, по своему происхождению.

Оттиски печатей из Нисы особенно важны потому, что они имеют четкую конечную величину оттисков. Оттиски расположены по типологическому признаку, нумерация — условная, порядковая.

¹ M. J. Mé n a n t, Recherches sur la glyptique orientale, P., 1886, стр. 182 сл.

² L. De l a p o r t e, Catalogue des cylindres orientales, P., 1920, стр. 54 сл.

³ L. S p e l e e r s, La collection des intailles et des empreintes de l'Asie Antérieure aux Musées Royaux du cinquantenaire à Bruxelles, Wetteren, 1923, гл. XI.

⁴ A. F u r t w ä n g l e r, Die antiken Gemmen, Lpz. — B., 1900, табл. I, 50; LXI, 57, стр. 245—246.

⁵ N. C. D e b e v o i s e, Parthian Seals, SPA, I, London — New York, 1938, стр. 471—474.

⁶ М. И. М а к с и м о в а, Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро, «Вестник музея Грузии», т. XVI-B, Тбилиси, 1950.

дату, *terminus ante quem*, и потому, что местонахождение их связано с коренной парфянской областью, Парфией, и потому, что место их обнаружения в царском «заповеднике» города Парфавнисы (на городище Старая Ниса) характеризует определенный сословный состав владельцев печатей.

Оттиски из Нисы характеризуются четкостью форм, небольшими размерами (диаметры круглых оттисков 9—12 мм; размеры овальных с горизонтально расположенным рисунком от 9—6,5 до 14—11 мм, овальных с вертикальным рисунком от 5—9 до 11—18 мм) и изяществом рисунка. Все они наносились по преимуществу камнями-инталиями, видимо, закрепленными на перстнях, хотя не исключена возможность, что некоторые печати были из стекла и металла. Половина печатей имела надписи, исполненные знаками парфянского алфавита, лишь на одном оттиске встречена греческая легенда¹.

В группе гемм из Грузии, близких по времени к нисийским, М. И. Максимова отмечает преобладание изображений животных и второстепенных эллинских божеств². Анализируя сюжеты на оттисках из Нисы, следует подчеркнуть, что, наряду с подобными мотивами, в них не меньшее место имеют темы прославления царя (царь, венчаемый Никой; царь, показывающий доблесть в сценах охоты и единоборства), что, несомненно, отражало общественное положение владельцев гемм, обслуживавших царский заповедник Аршакидов — Старую Нису.

Нисийские геммы далеко не одновременны по своему происхождению, а датировка большей части их оттисков связана с археологически установленными периодами постепенного замуровывания отдельных помещений и последнего опечатывания всего Квадратного дома (конец II — начало III в. н. э.). Известно, что печати, особенно закрепленные на драгоценных перстнях, нередко переходили из поколения в поколение (N. Debevoise, ук. соч., стр. 471). Из-за отсутствия дат на оттисках нисийских печатей попытка хронологической классификации и стилистического анализа их не может быть осуществлена без привлечения некоторых сравнительных материалов.

Наиболее архаизирующими по типу изображений следует признать оттиски № 1 и № 49. Первый живо напоминает сцену единоборства ахеменидского царя с вставшим на дыбы крылатым львоподобным чудовищем, хорошо известную еще по персеполийским рельефам и ахеменидским инталиям (SPA, IV, табл. 95, 123 — G. L.). Аналогичный сюжет представлен на гемме из Термезского района³. На нисийском оттиске изображен бородатый мужчина в остроконечном клобуке и длинном платье. Клобук этот напоминает известный головной убор родоначальника династии Аршакидов на парфявских монетах⁴, но одеяние явно тяготеет к длинным одеждам ахеменидской эпохи, которые в пору существования парфянского государства выходят из употребления. Тот же костюм и на фигурах оттиска № 49. Композиция двух противостоящих воинов в характерных парфявских одеждах, держащих над алтарем короткие мечи, известна уже по одной парфявской гемме (N. Debevoise, ук. соч. рис. 126, *z*). На оттиске № 49 мечи соединены, алтаря нет, но вполне вероятно, что сюжетом также является произнесение воинской клятвы. Датировка оттисков № 1 и № 49, возможно, восходит к самой ранней поре сложения парфянского государства (III в. до н. э.), когда еще были стойки художественные мотивы ахеменидской поры, но когда, судя по небольшим размерам гемм, мастера уже были знакомы с приемами эллинистического камнерезного искусства.

Несомненно, с доаршакидской традицией связана тематика многочисленных оттисков с зооморфными сюжетами. Некоторые мотивы очень древни, как, например, тема животных, стоящих по обе стороны от священного дерева (оттиск № 13), широко извест-

¹ М. М. Дьяконов, Надписи на парфявских печатях из древней Нисы (см. в этом же номере ВДИ, стр. 169 сл.).

² М. И. Максимова, ук. соч., стр. 228 сл.

³ А. Калмыков, Аму-Дарьинский клад и греко-бактрийское искусство, «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», ч. XIII, Ташкент, стр. 37 и таблица после стр. 38.

⁴ J. de Morgan, Manuel de numismatique orientale, I, P., 1923—1936, стр. 133, рис. 137.

ная в ближневосточной глиптике со II тыс. до н. э.¹ Зооморфные изображения на нисийских печатах, на наш взгляд, стоят в самой тесной связи с так называемым «звериным стилем» древних среднеазиатских народностей, отражая смешанные черты художественной идеологии оседло-земледельческого и кочевого населения Парфии. Подбор животных всецело отвечает составу среднеазиатской фауны: горный козел — теке, горный баран — архар, джейран, антилопа-сайга, южный олень, зебувидный бык, а также домашний конь.

Большинство оттисков восходит по преимуществу к первым векам нашей эры. Типологически схожие изображения архара и горбатого быка чеканились на монетах Митридата IV (II в. н. э.)², скачущего козла — на монетах Артабана V (начало III в. н. э.) (J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 25, стр. 142), барана — на монетах тех же царей, а также Вологеза V (начало III в. н. э.) (там же, рис. 143, 69, стр. 144). Изображение горбатого быка есть на парфянской гемме Чикагского университета (N. Debevoise, ук. соч., рис. 126 СС); печати с этим сюжетом из Старой Нисы были в коллекции А. В. Комарова. В парфянской нумизматике несколько старше лишь изображение оленя, известное по монетам Орода I и Фраата IV (I в. до н. э.) (J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 70, 71, стр. 144). Великолепный горельеф с протомой скачущего оленя украшает бронзовое зеркало II в. до н. э., найденное при раскопках Старой Нисы.

Что касается оттисков с изображением стоящего или скачущего коня, то самый сюжет коня, имевший исключительное распространение в парфянской нумизматике (от Фраата II до Готарза включительно), всегда был настолько популярен в парфянском искусстве, что сам по себе еще не датирует нисийских печатей. Намек на дату, может быть, дает характерный прием подстрижки конской гривы «городками», напоминающий изображение коня на известном блюде из селения Бори (рубеж I и II вв. н. э.)³; такой подстрижки нет у коней, вычеканенных на вышеупомянутых монетах старших Аршакидов.

Отметим стилистическую общность нисийских печатей с зооморфными сюжетами и изящных гемм кушанской эпохи из Иоткана (Восточный Туркестан) с фигурами козла, оленя и др.⁴

Зооморфные изображения на печатах из Нисы имеют магический, уже неясный для нас смысл, может быть пережиточно связанный с древними тотемистическими верованиями. Известно, что резным камням придавалось в древности значение амулетов. Характерна распространенность на оттисках сюжета хищной птицы, налетающей на четвероногое копытное животное. Судя по развешивающимся за шейю хищников лентам (оттиски № 10, 11), это охотничьи птицы; сюжеты, таким образом, перекликаются с темой победоносной царской охоты (см. ниже). Отметим попутно находку печати, стилистически сходной с нисийскими печатами в Ходжа-Обане (= Варахше) Бухарской области⁵. Несколько особняком стоит изображение на оттиске № 12 громоздкой фантастической птицы, которое напоминает птиц алтае-сибирского звериного стиля.

Культовой, а не бытовой эмблемой является, несомненно, изображение наковальни на оттисках № 18—21. Его следует связать с культом огня, а также, может быть, какого-то местного парфянского Гефеста, аналогичного среднеазиатскому богу-кузне-

¹ E. Herzfeld, Die Kunst des zweiten Jahrhunderts in Vorderasien, «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», т. VIII, вып. 3, Berl., 1937, стр. 109 сл.

² J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 23—25, 66, стр. 142 и 144. Отметим, что овальная гемма с изображением стоящего вправо горбатого быка была найдена в 1953 г. на территории Старой Нисы.

³ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. СХХI; Ш. Я. Амира нашвили, Две серебряные чаши из раскопок в Армази, ВДИ, 1950, № 1, стр. 91 сл.

⁴ A. Stein, Ancient Khotan, т. II, Oxford, 1907, табл. XLIX.

⁵ А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. II, М., 1848, стр. 452; ч. III, М., 1849, рис. 1.

цу, изображение и атрибуты которого чеканились на кушанских монетах I в. н. э.¹ Образ парфянизированного «Гефеста» ярко представлен на фризах нисийских ритонов из слоновой кости (II в. до н. э.). Вполне вероятно наличие культа бога-покровителя плавки иковки металлов у народа, изготавливавшего свое прочное вооружение из прославленного во всем античном мире «маргианского железа».

Чрезвычайно интересен оттиск № 25. Представленное на нем полиморфное существо является, видимо, образ парфянского дракона. Изображения драконов служили сигнумами парфянских военных отрядов (Luc., Quom. historia, 29), подобно тому, как орлы украшали значки римских легионов. Можно предположить, что данная печать принадлежала военному начальнику. Два схожих, но сильно сбитых рельефных дракона украшают парфянский дворец в Хатре (II в. н. э.)². Близкий образ выбит также на реверсе монет Вологеза IV (191—209 гг. н. э.)³.

Что касается оттисков с крылатыми сфинксами (№ 23, 24), то сам сюжет этот в глиптике эллинизированного Востока очень стар и встречается еще на селевкидо-парфянских буллах из Варки II в. до н. э.⁴ Однако печати № 23, 24 могли быть значительно моложе, так как тема крылатого сфинкса фигурирует нередко в искусстве первых веков нашей эры.

На нескольких оттисках изображены эллинические божества. Оттиск № 31 представляет, по видимому, сидящего Зевса с орлом в протянутой правой руке. Это — каноническая схема, известная по парфянским монетам царя Митридата I и Деметрия II, правившего также во II в. до н. э. в Селевкии на Тигре (SPA, IV, табл. 140, H, K).

На оттиске № 26 представлена Афина, образ которой был повсеместно распространен в эллинизированной среде на Ближнем и Среднем Востоке в первых веках до и после н. э. Среди находок из Квадратного дома Старой Нисы имеется серебряная статуэтка Афины в шлеме⁵. Фигура Афины на оттиске, стремительно шествующей с воздетым копьем и щитом, является повторением какой-то популярной еще с эллинистической эпохи статуи, которую, в частности, нередко воспроизводили как на селевкидских печатях⁶, так и в позднеперсидских конвексных геммах⁷. Культ богини-воительницы, вероятно, особенно почитался в парфянской военно-аристократической среде. Печать из Нисы, скорее всего, принадлежала какому-то военачальнику по имени Арсиной; возможно, это был знатный филиэллинизовавшийся парфянин, почитавший Афины своим божеством-покровителем и носивший в качестве дополнительного к своему еще и греческое имя. Характерно, что шлем Афины на нисийском оттиске не овальной аттической формы, но типичный для азиатского военного костюма первых веков до нашей эры — округлый, с широкими «полями». Шлем этого рода известен по изображениям царей в греко-бактрийской нумизматике; в близких шлемах представлена Афина на парфянских ритонах II в. до н. э. из Нисы.

О распространении мотива Паллады в изобразительном искусстве в первых веках до и после н. э. свидетельствуют греко-бактрийские монеты Деметрия, Аполлодота,

¹ V. A. Smith, Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta — Oxford, 1906, стр. 76, 79, 82, табл. XIII, 5.

² W. Andrae, Hatra, II, Lpz, 1912, стр. 156—157.

³ A. Markoff, Les monnaies des rois Parthes, P., 1877, I, рис. 23, стр. 8. Автор ошибочно считал изображение дракона за «крылатого коня».

⁴ L. Delaporte, Catalogue des cylindres orientaux, P., 1920, табл. 122. Ср. фигурку львоподобного женского сфинкса из Старой Нисы II в. до н. э. (ВДИ, 1953, № 1, стр. 156).

⁵ М. Е. Массон, Новые археологические данные к изучению истории Парфии, «Изв. АН ТССР», 1952, № 5, стр. 19.

⁶ Ср. M. Rosztovtzeff, Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay, Yale Classical Studies, т. III, New Haven, 1932, табл. II, 5.

⁷ A. Furtwängler, Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium, В., 1898, №№ 2366—2372, 7224, 7262.

Менандра, Стратона¹, гемма из Варахши (А. Борнс, ук. соч., т. III, рис. 1), оттиски инталей на писанных шрифтом карошти документах из Восточного Туркестана². Датировку нисийского оттиска № 26 отчасти определяет начертание утяжеленных точками букв греческого алфавита. Шрифт этот применялся на монетах индо-сакских, греко-бактрийских и греко-индийских царей вплоть до Гермея (середина I в. н. э.), а также в чекане Селевкидов. На монетах Парфии он известен лишь со времени правления Митридата II (123—80), а в кушанской нумизматике только в чекане Кадфиза I с единственной более поздней репликой на одной серии медных монет Канишки³.

Несомненно ритуальное значение оттиска № 27, где нагая женщина простирает венок над алтарем. Повидимому, это парфянизированная интерпретация образа Афродиты-Навайи. Ее вычурная поза напоминает фигурку Афродиты на фризе одного из парфянских ритонов Нисы. Подобный же тип нагой богини известен по парфянским терракотовым фигуркам из Мерва⁴. Видимо, это парфянская ипостась Великой богини, которую, по словам Плутарха, «одни называют Афродитой, другие Герой...» (Plut., Grac., 17). Слияние эллинских и восточных божеств было типично для парфянской идеологии. Именно такой синкретический греко-азиатский образ представлен на оттисках № 33, 34, 36, 37. Это крылатый зороастрийский гений Серош, который на нисийских печатях иконографически явно сходен с античным Эротом. Образ последнего был хорошо известен в парфянском искусстве (см., напр., ВДИ, 1953, № 1, стр. 156, рис. 16). В протянутых руках Эрота-Сероша на нисийских печатях то традиционный лук, то инвестирующий венец. Изображение этого бога встречено на многих парфянских памятниках: на монетах Фраата IV и Артабана III (конец I в. до н. э.— I в. н. э.)⁵ и Вологеза I (55—58 гг. н. э.), на гемме II в. н. э. из Селевкии⁶, на инталей конца I — начала II в. н. э. из некрополя Мдхеты-Самтавро⁷. Датировка нисийских печатей с сюжетом Эрота-Сероша ограничивается I—II вв. н. э.

Крылатая богиня победы Ника-Виктории на оттисках № 38—41 представлена в позе скользящего легкого шага; в полусогнутой левой руке ее — ветвь, в протянутой правой — венок с развевающимися лентами. Образ почти идентичен на всех отпечатках, сделанных с различных инталей; возможно, это повторение какой-то монументальной статуи. Иконографически Ника нисийских оттисков очень близка к бронзовой крылатой Виктории из Лиона⁸. Тип этот встречается на монетах Антиоха III и его предшественников, а также на римских монетах эпохи Республики. Однако он нередко воспроизводится в римском искусстве и позднее⁹. Образ Ники был распространен в глиптике еще в первых веках до н. э., судя по группе гемм эллинистически-римского стиля¹⁰ и по оттискам на селевкидских буллах из Вавилонии¹¹.

Изображение Ники типа «лионской Виктории» было излюбленным в аршакидской среде, как показывают монеты Митридата II, Фраата III, Митридата III, Орода I, Фраата IV, Вонона, Пакора II, Вардана I, Готарза, правивших со II в. до н. э. до I в. н. э.

¹ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 16, 22; V. Smith, Catalogue ..., табл. IV—V.

² A. Stein, Ruins of Desert Gathe, L., 1912, табл. 94—96, стр. 285.

³ М. Е. Массон, Происхождение безыменного «царя царей — великого спасителя», «Труды САГУ», нов. сер., вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 27.

⁴ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 26.

⁵ J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 32, стр. 142 и рис. 143, 42, стр. 143.

⁶ N. Debevoise, ук. соч., рис. 126, j.

⁷ М. И. Максимова, ук. соч., стр. 268, № 77.

⁸ Dagemberget Soglio, т. V, стр. 830 сл., рис. 7468.

⁹ Например, изображение крылатой Виктории см. H. von Rohden, Architektonische Römische Tonreliefs der Kaiserzeit, B., 1911, стр. 197 сл.

¹⁰ A. Furtwängler, Beschreibung..., №№ 6734—6739.

¹¹ M. Rostovtzeff, ук. соч., табл. VII, 3, стр. 35—36.

Однако на этих монетах Ника представлена в повороте вправо (J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 39, стр. 142). Аналогичная нисийским оттискам № 38—40 Ника, идущая влево, представлена только на монетах правителей II в. н. э., Химероса, Вонона I и Орода II¹. Повидимому, этим временем следует датировать и публикуемые печати. Отметим изображение Ники на парфянской гемме II в. н. э. из Селевкии (N. Debevoise, ук. соч., рис. 126, f).

Распространенность образа Ники в искусстве первых веков до и после н. э. не случайна. Образ Ники, воплощавший в эпоху расцвета полисов идеал всенародной победы, в эпоху эллинизма вытесняется образом богини, венчающей победоносного властелина. Прославление царя — таково идейное содержание изображений Ники на парфянских монетах и печатях. Об этом особенно красноречиво свидетельствуют оттиски № 43—46, где богиня протягивает венок торжественно восседающему на коне аршакидскому царю. Сюжет этот находит почти идентичное воплощение на монетах Артабана III (14—39 гг. н. э.) и Пакура II (77—108 гг. н. э.), где представлен конный царь, которому вручает венок предстоящая бескрылая Тиха в короне-муратис². Как показывает оттиск из Нисы № 41, образ двух богинь — Ники и Тихи в парфянских представлениях нередко идентифицировался.

Тема Ники, венчающей правителя, была чрезвычайно типична для эпохи крупных рабовладельческих империй. Именно в первых веках н. э. получает особую популярность мотив двух парящих Викторий в тимпанах триумфальных арок (арка Тита в Риме, Траяна в Беневенте и др.), нашедший свое отражение в Викторийх парфянской фрески из Дура-Европос³ и еще в сасанидскую пору повторенный в арке Таки-Бустана. Скульптурная композиция, изображающая сидящего хорезмшаха, венчаемого Никами, встречена во дворце Топрак-Кала в Хорезме (III в. н. э.)⁴. Однако композиция с конным царем и Никой характерна именно для парфянского искусства.

Парфянский царь-всадник на спокойно стоящем коне, подобный изображению царя на оттиске № 47, имеется на монетах конца I в. до н. э. — I в. н. э. (Фраатака и Готарза)⁵. Поза коня на оттиске напоминает коня на известной конной статуе Аврелиана Августа. Как и на прочих оттисках, конь — тонконогий, со стройной гибкой шеей и маленькой, сухой головкой. Возможно, это тип прославленных в древности коней нисийской породы, напоминающий отчасти современного ахал-текинского аргамака.

Ту же идею прославления царя развивает и группа печатей Нисы № 2—8, со сценой охоты на хищника, на козла, оленя и архара. Сюжет царской охоты широко известен в искусстве Востока, начиная с глубокой древности. Его содержание не только отражает одно из любимых развлечений представителей рабовладельческой знати, но несет прославление могущества и доблести царя, разящего зверя или готового в любой момент обратиться на врага. Тема всадника, мчащегося на коне, натягивая лук или наделивая копьей, была очень популярна в парфянском искусстве (см. терракотовый рельеф со скачущим стрелком⁶ или монументальный рельеф на скалах Танги-Сарвак с изображением парфянского катафрактария⁷, или парфянские печати с изображением всадника, атакующего вставшего на дыбы льва, и всадника на скачущем коне⁸). Представленный на нисийских печатях всадник — именно царь, о чем свидетельствуют его

¹ J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 34; SPA, IV, табл. 140, R, S.

² J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 10, 11, стр. 141.

³ Bulletin of the Associates in the Fine Arts at Yale University, Febr., 1938.

⁴ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.), «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1952, стр. 36, рис. 23.

⁵ J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 58, стр. 143.

⁶ «Persian Art. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House», L., 1931, табл. I.

⁷ A. Stein, Old Routes of Western Iran, L., 1940, стр. 110.

⁸ N. Debevoise, ук. соч., рис. 126, p и 126, bb.

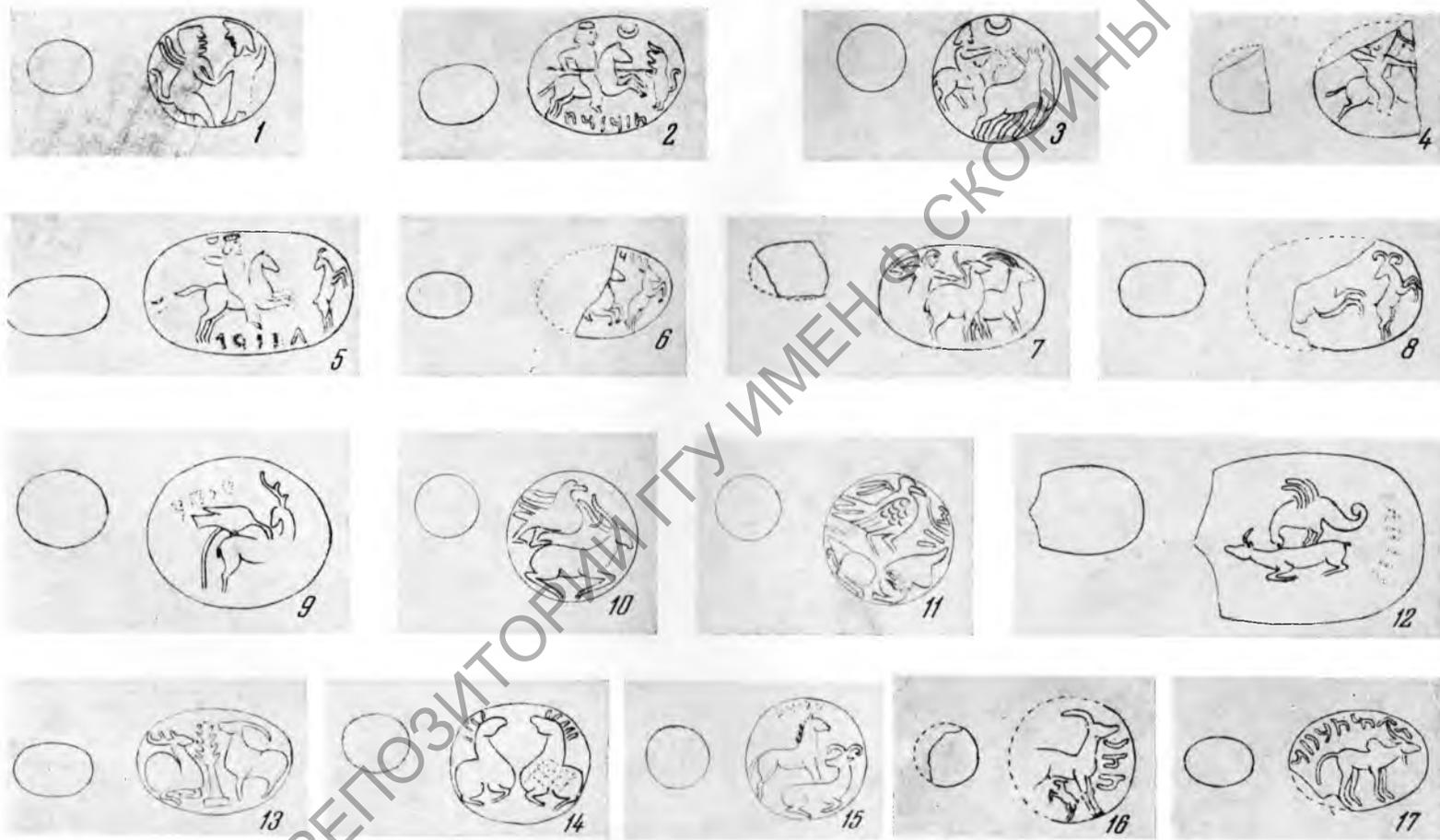

Рис. 1—17. Прорисовка и фото оттисков печатей из Нисы

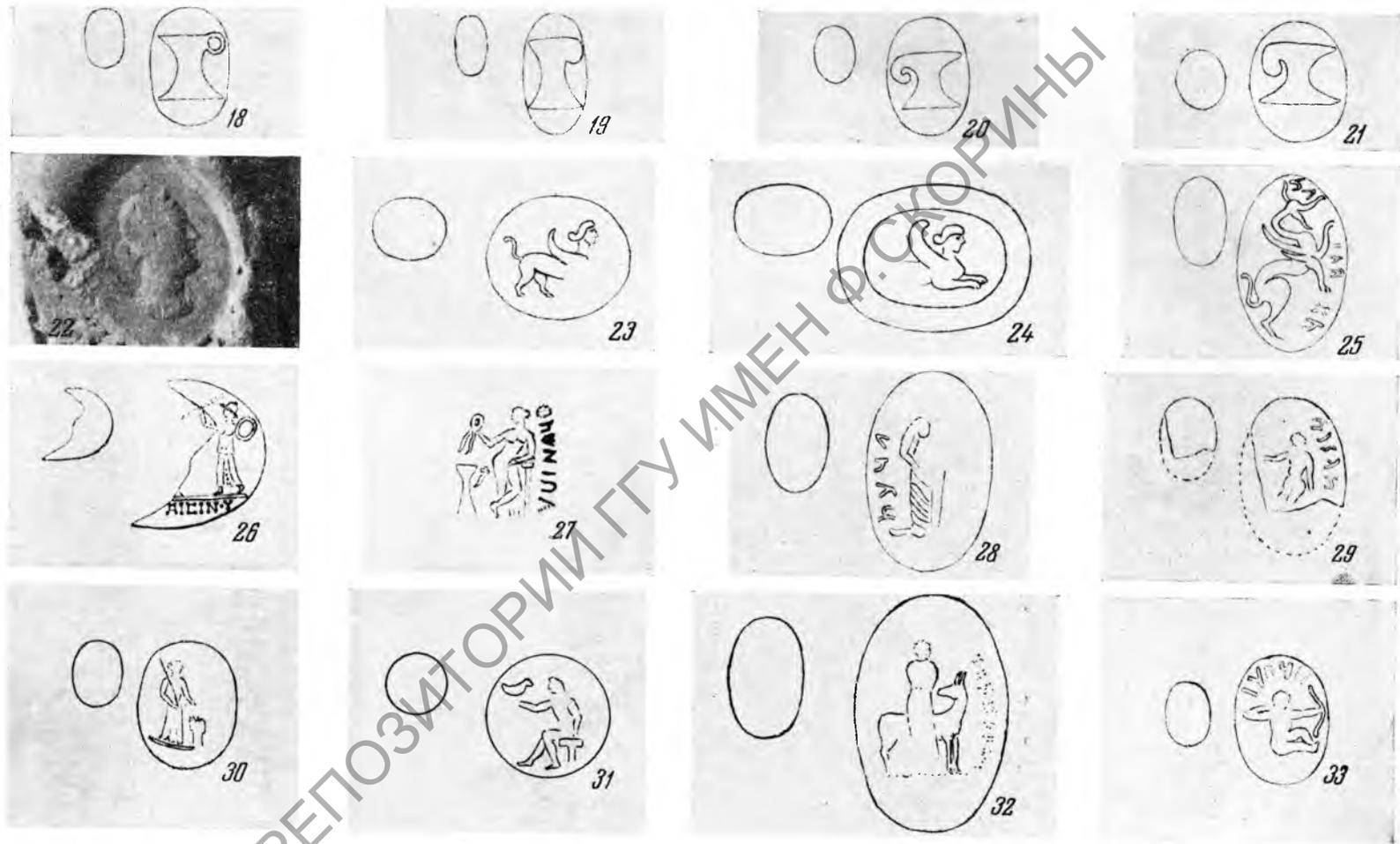

Рис. 18—33. Прорисовка и фото оттисков печатей из Нисы

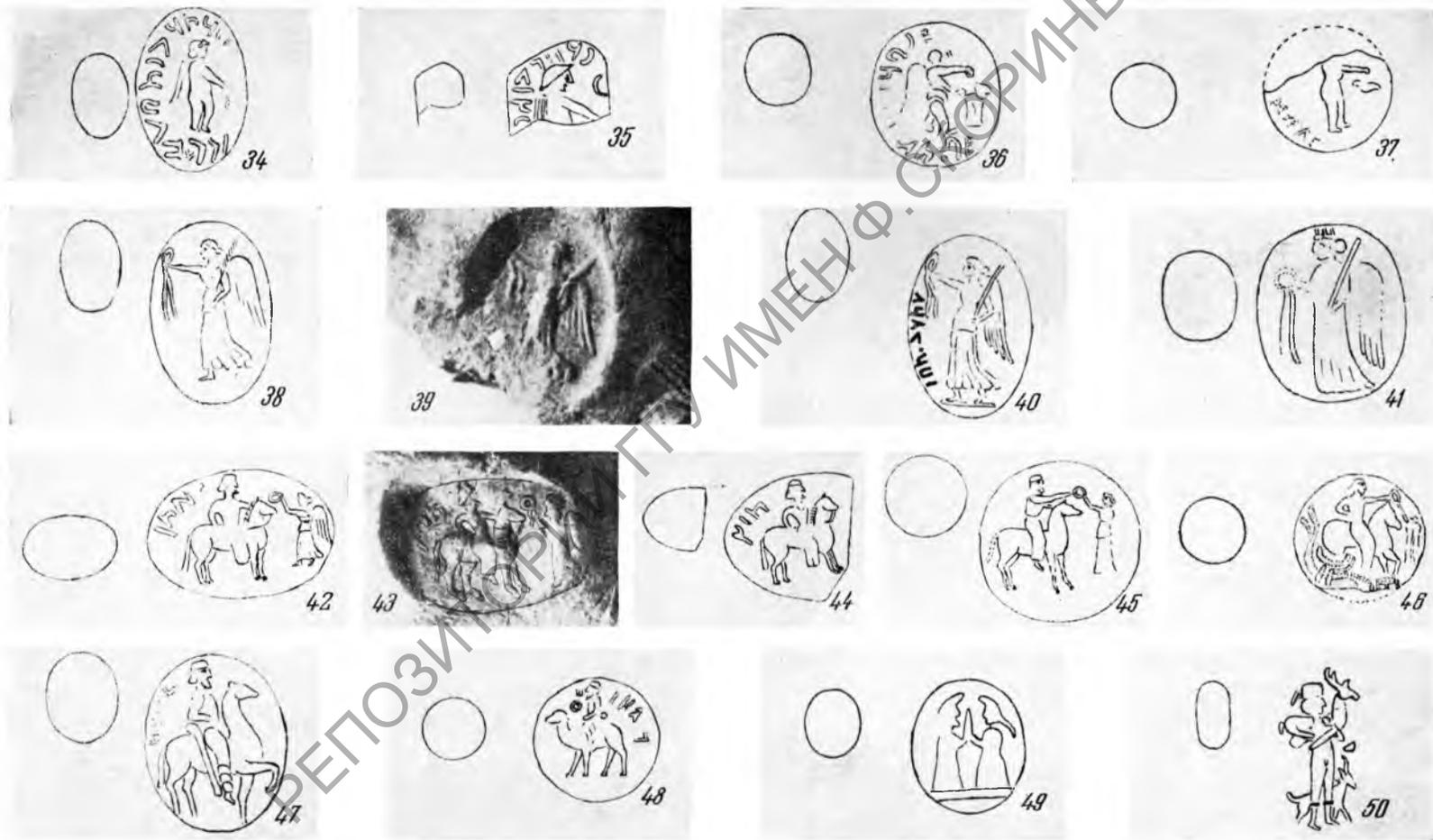

Рис. 34—50. Прорисовка и фото оттисков печатей из Нисы

одевание, прическа, головной убор, — те же, что на геммах со сценой венчания конного царя Никой.

Нельзя не отметить большого искусства композиции; размещая фигуры в круглом или овальном контуре, мастер-камнерез компактно заполняет пространство. Фигуры очень динамичны; мчащийся конь распластан в позе галопа¹, преследуемый зверь дан в стремительном прыжке. Нисийские геммы, по существу, предвещают сцены царской охоты на великодушных сасанидских блюдах. Миниатюрные сами по себе, они несут черты монументального искусства, видимо представляя воспроизведение каких-то не дошедших до нас крупных изобразительных композиций, быть может уничтоженных впоследствии наскальными рельефов.

Отметим, что помещенный в поле щитка над головой коня полумесяц рогами вверх составляет типичную парфянскую эмблему, которая встречается на аршакидских монетах I в. до н. э.—I в. н. э.², а также использован в архитектурных украшениях дворцов и храмов Старой Нисы³.

К рассмотренной группе печатей с темой царя-всадника примыкает оттиск № 48 с изображением всадника на верблюде. Он находит себе параллель в одном из парфянских рельефов I—II вв. н. э. из Дура-Европос, где перед верблюдом стоит алтарь — явное указание на культовое значение композиции (М. Rostovtzeff, ук. соч., рис. 44).

В комплексе нисийских печатей несколько особняком стоит оттиск № 22 с женским профилем вправо. Изготовление самой геммы В. Д. Блаватский, судя по стилю, относит ко времени не позднее эллинистической эпохи. Изобразительная традиция профильного портрета широко представлена уже на селевкидских печатях II в. до н. э.⁴ Ярко выраженная индивидуальность черт лица указывает, что на оттиске из Нисы дан не тип, а портрет какой-то знатной дамы, скорее всего представительницы Аршакидского дома. В парфянской нумизматике конца I в. до н. э. известен портрет царицы Музы — матери и соправительницы Фраатака, в профиль вправо, в трехъярусной короне (J. de Morgan, ук. соч., рис. 166B, стр. 160). Женщина на нисийской гемме лишена короны. Это, может быть, портрет известной своей отвагой и волеизъявительностью Родогуны, дочери Митридата II, так как Полиэн прямо указывает, что изображение ее «имеется на печатях персидских (т. е. парфянских.—М. М.) царей» (Polyaen., Strat., VIII, 27). Женская головка, в профиль вправо, более грубого стиля, чем нисийская, есть на парфянской печати первой половины II в. н. э. из Селевкии на Тигре⁵.

Датировка оттиска № 22 может быть, по стилистическим данным, отнесена еще к II—I вв. до н. э.; известно, что в парфянской нумизматике уже в первых веках н. э. схематизированные профили царей приходят на смену выразительным, пластически совершенным, портретам монет предшествующих столетий.

Анализ изображений на нисийских печатях приводит к ряду важных наблюдений. Прежде всего можно сделать заключение о сословном составе владельцев печатей. По положению своему все они в какой-то мере были связаны с царским заповедником Парфавнисы. В числе лиц, опечатывавших хранилища Квадратного дома, были, несомненно, представители Аршакидской династии — если не сами цари, то во всяком случае сановитые царские родственники, занимавшие различные высокие посты, в том числе, вероятно, и должность сатрапа Нисийской области; лишь у них могли быть

¹ О теме «летающего галопа» в парфянском изобразительном искусстве см. М. Rostovtzeff, *Dura and the problems of Parthian Art*, «Yale Classical Studies», V, L., 1935, стр. 288—293.

² J. de Morgan, ук. соч., рис. 143, 87, 93, 94, стр. 144—145.

³ Г. А. Пугаченкова, *Архитектурные памятники Нисы*, ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 218.

⁴ L. Delaporte, *Catalogue.....*, табл. 123, A, 812; М. Rostovtzeff, *Sassanid Babylonia: Bullae and Seals....*, табл. II, IV, VII.

⁵ N. Debevoise, ук. соч., рис. 126, с. По Дибвойзу, это будто бы головка

геммы с царскими сюжетами (тема конного царя, единоборства царя, царя и Ники, просто Ники — №№ 1—8, 39—47). Печати с драконом — сигнумом парфянских «тысячных» отрядов (№ 25), с Афиной (№ 26), с темой воинской клятвы (№ 49) принадлежали скорее всего видным военачальникам придворной гвардии. Владельцами гемм с изображением богов и культовых атрибутов (№№ 18—21, 23, 24, 27—37) были, очевидно, старшие жрецы дворцовых храмов и святилищ Нисы. Наконец, представители высших рангов чиновного аппарата, обслуживавшего царский заповедник, довольствовались нейтральными широко распространенными в парфянской среде зооморфными сюжетами (№№ 9—17, 50).

Примечательно наличие надписей почти на половине общего числа печатей Нисы. По справедливому замечанию М. И. Максимовой, «распространение гемм в древнем мире тесно связано с развитием института частной собственности и с распространением письменности»¹. Характерно, что из 24 надписей на нисийских геммах 23 выполнены парфянским алфавитом — тем же, которым писаны хозяйственные отчетные документы из Нисы (МЮТАКЭ, вып. II, М.—Л., 1951), причем комплекс изображений на данных печатях также в основном традиционно парфянский. Лишь одно имя, Арсиной, исполнено греческим алфавитом. Преимущественное употребление местной, а не греческой письменности на личных печатях свидетельствует о тех филопарфянских и антиэллинских тенденциях даже в аристократической парфянской среде, которые преобладали в первых веках н. э., в правление младших Аршакидов.

Подавляющее большинство печатей Нисы относится к I и особенно II в. н. э. Лишь некоторые из них (№№ 1, 49, 22) восходят по дате к первым векам до н. э., хотя употребление их, видимо, как наследственных инталий, приходилось на ту же эпоху, что и всех остальных. Небезинтересно показание Тацита, что римского ставленника на аршакидский престол, Вонона I (8/9—11/12), парфяне зло высмеивали за его манеру хранить все за печатью (Тас., *Ann.*, II, 3). Очевидно, это не совпадало с обычаями парфянской знати, и, может быть, мы вправе видеть в словах Тацита лишний довод в пользу того, что в первых веках н. э. при младших Аршакидах геммы-печати получили в Парфии более широкое распространение, чем раньше. Вместе с тем геммы, употреблявшиеся в раннюю пору существования парфянского государства, были больших размеров, а в западных областях имели, кроме того, и иную форму, хотя и совпадали иногда по сюжетам с нисийскими. Так, на буллах и глиняных таблетках юридических документов из Варки III—II вв. до н. э., показанных нам И. М. Дьяконовым в Эрмитаже, а также хранящихся в парижской Национальной библиотеке, щитки оттиснутых печатей чечевицеобразные с острыми концами. Изображены на них зебувидный бык, два противостоящих животных, сидящие с запрокинутой вверх головой звери и др.

Печати Нисы свидетельствуют о высоких навыках и традициях парфянского камнерезного мастерства. Изображения на геммах представляют собою миниатюрные произведения изобразительного искусства. При повторяемости некоторых сюжетов рисунок каждого оттиска очень выразителен, композиция продумана и компактна. Важно отметить преобладание характерных парфянских тем — зооморфные сюжеты, сцены царской славы или охотничьей доблести, синкретические образы божеств и полубожеств.

Рисунки нисийских гемм наглядно опровергают укоренившийся среди ряда зарубежных ученых взгляд о разрыве традиции в искусстве так называемых «сасанидского» и «парфянского» периодов. По материалам из Старой Нисы устанавливается, напротив, прямая и безусловная преемственность в тематике и стиле ряда считавшихся «типично сасанидскими» сюжетов. Тема царской охоты на серебряных и бронзовых сасанидских блюдах², на каменных рельефах Таки-Бустана, на стуквом рельефе

¹ М. И. Максимова, *ук. соч.*, стр. 239.

² Я. И. Смирнов, *Восточное серебро*, СПб., 1909, табл. XXIV, XXXII, XXXIV; SPA, IV, табл. 206, 208—214, 218, 231.

с изображением кониного царя (SPA, IV, табл. 176, C), разящего льва, оленя, архара и др., по существу уже была создана парфянским искусством, о чем наглядно свидетельствуют печати Нисы. Таковы же известные по памятникам сасанидской торевтики и глиптики сюжеты крылатого гения — Сероша¹, двух животных, стоящих по обе стороны от священного древа², хищной птицы, налетающей на четвероногое³, зebu-видного быка⁴ и др.

Печати Нисы позволяют в настоящее время предложить переприписку ряда гемм, относимых по традиции, без каких-либо веских оснований, к произведениям сасанидской глиптики. По сопоставлению с нисийскими оттисками с зооморфными мотивами, может быть, допустимо считать парфянскими миниатюрные геммы с двумя противоположащими козочками⁵, с двумя стоящими против друг друга конями и пехлевийской надписью (собрание Опперта)⁶, с двумя оленями, стоящими по обе стороны от стилизованного дерева (Британский музей)⁷.

Парфянской может быть признана гемма, опубликованная П. Горном в разряде «несасанидских» без уточнения ее принадлежности, с изображением всадника на мерно шествующем коне, близкая к нисийскому оттиску № 47⁸, равно как и так называемая «сасанидская» гемма с тем же сюжетом и пехлевийской надписью Британского музея (SPA, IV, 255, j). Небольшая печать Британского музея со всадником, пронзающим копьём вставшего на дыбы хищника (SPA, IV, 256, b), идентична оттиску № 2, и, вероятно, ему современна. Общая трактовка в виде младенца Эрота фигурки зороастрийского гения Сероша на эрмитажной гемме⁹ позволяет, в силу чрезвычайной общности с нисийскими оттисками № 34, 37, отнести ее к парфянской группе резных камней. И безусловно парфянской является миниатюрная овальная гемма парижской национальной библиотеки, отнесенная Ф. Аккерманом в разряд «сасанидских», где изображена нагай богиня, идентичная нисийскому оттиску № 27 и вотивным терракотовым фигуркам парфянского Мерва (SPA, IV, табл. 256).

Печати Нисы — новая страница из истории культуры парфян, одного из тех народов, которые населяли в древности области Южного Туркменистана, и который играл такую видную роль на мировой арене в течение почти полутысячелетнего отрезка времени.

*Проф. М. Е. Массон
Г. А. Пугаченкова*